

1 5 ноября 1990 года. Клиффсайд-Парк, Нью-Джерси

Мать трясет меня за плечо, чтобы я проснулся.
“Случилось несчастье”, — говорит она.

Мне семь лет, я пухлый ребенок в пижаме с черепашками-ниндзя. Я привык вставать еще до восхода солнца, но меня всегда будит только отец и лишь для того, чтобы я помолился на своем коврике, украшенном минаретами. Мать — никогда.

Однинадцать вечера. Отца нет дома. В последнее время он все позже и позже задерживался в мечети в Джерси-Сити. Но для меня он по-прежнему мой *Баба* — смешной, любящий и милый. Только этим утром он опять пытался научить меня завязывать шнурки. Это с ним случилось несчастье? *Какое* такое несчастье? Он ранен? Он умер? Я не могу задать эти вопросы вслух, потому что очень боюсь ответов.

Мать встряхивает белую простыню — она на секунду вздувается, как облако, — потом наклоняется, чтобы расстелить ее на полу.

— Посмотри на меня, Зи, — говорит она, и ее лицо так искажено тревогой, что я едва ее узнаю. — Ты должен одеться как можно быстрее, а потом сложить свои вещи в эту простыню и крепко связать их в узел. Хорошо? Твоя сестра тебе поможет.

Она направляется к двери:

— *Йалла*¹, Зи, *йалла*. Давай поскорее!

— Подожди, — отвечаю я. Это первое слово, которое я смог выговорить с тех пор, как выбрался из-под своего одеяла, которое украшает изображение Хи-Мена. — Что мне положить в эту простыню? *Какие именно...* вещи?

Я хороший мальчик. Скромный. Послушный. Я хочу сделать так, как говорит моя мама.

Она останавливается и смотрит на меня.

— Какие влезут, — говорит мама. — Не знаю, вернемся ли мы сюда.

Она поворачивается и уходит.

• • •

Как только я собрался, мы с сестрой и братом перебираемся в гостиную. Моя мать позвонила двоюродному брату отца в Бруклин — мы зовем

¹ Давай-давай (*араб.*).

его дядя Ибрагим или просто Амму, — и сейчас она что-то горячо с ним обсуждает. Ее щеки пылают. В левой руке она сжимает телефонную трубку, а правой пытается поправить сбившийся хиджаб. На заднем фоне работает телевизор. Срочные новости. *Мы прерываем нашу программу.* Мать замечает, что мы уставились в телевизор, и торопливо его выключает.

Она говорит с Амму Ибрагимом довольно долго, повернувшись к нам спиной. Когда она вешает трубку, раздается телефонный звонок. Резкий звук посреди ночи — такойзывающе громкий, будто телефон *что-то знает*.

Мать берет трубку. Это один из друзей *Баба* из мечети, таксист Махмуд. Все зовут его Рыжим из-за цвета его волос. Рыжий страшно взволнован, он пытается найти отца.

— Его тут нет, — говорит мать. Слушает. Отвечает: — Хорошо, — и вешает трубку.

Телефон звонит снова. Отвратительный звук.

В этот раз я не могу понять, кто звонит. Мать говорит:

— Серьезно?

Она говорит:

— Полиция? Спрашивают про нас?

Чуть позже я просыпаюсь на одеяле, постепенном на полу гостиной. Среди всей этой